

Ричард Бахман
БЛЕЙЗ

*Томми и Лори Спрюс
И думая о Джеймсе Т. Фаррелле*

Это руины сердца.

Джон Д. Макдональд

РАСКРЫВАЯ ВСЕ КАРТЫ

Это сундучный роман. Понимаете? Я хочу, чтобы вы знали об этом, пока чек еще при вас и вы не капнули на книгу соусом или мороженым, после чего вернуть ее в магазин будет очень сложно, а то и вовсе не получится*. Это исправленное и дополненное издание, но что с того? Автором указан Бахман, потому что «Блейз» — последний из романов 1966–1973 годов, периода наивысшей продуктивности сего господина.

В эти годы я как бы раздваивался. С одной стороны, был Стивенем Кингом, который писал (и продавал) рассказы-ужастики для таких малотиражных мужских журналов, как «Кавальер» и «Адам»**, а с другой — Ричардом Бахманом, писавшим романы, которые никто не хотел покупать. «Ярость»***, «Долгая Прогулка», «Дорожные работы» и «Бегущий чело-

* Говоря об этом, я предполагаю, что вам нравится мое творчество и вы редко садитесь за стол, чтобы перекусить или даже плотно поесть, без книги, которую читаете в настоящий момент. — *Здесь и далее в предисловии примеч. автора.*

** За одним исключением: Бахман под псевдонимом Джон Суитен продал единственный детективный рассказ «Пятая четверть».

*** Более не публикуется, и это хорошо.

век»*. В результате все четыре были сразу опубликованы в дешевом карманном формате.

«Блейз» — последний из ранних романов... пятая четверть, если хотите. Или, если настаиваете, еще один из сундучных романов известного писателя. Время написания — конец 1972 и начало 1973 года.

Я думал, что роман отличный, когда работал над ним, и решил, что полный отстой, когда прочитал от начала и до конца. Насколько помню, не показывал его ни одному издателю, даже не посылал в «Даблдей», где у меня к тому времени появился друг, Уильям Дж. Томпсон. Именно Билл позднее открыл Джона Гришэма, именно Билл подписал со мной договор на следующую после «Блейза» книгу, запутанную, но занимательную историю о выпускном вечере в центральной части штата Мэн**.

На несколько лет я забыл о «Блейзе». Потом, когда остальные ранние бахмановские романы появились на прилавках, достал его из дальнего ящика, чтобы просмотреть на предмет публикации. Прочитав первые двадцать страниц, решил, что мое первоначальное мнение правильное, и вернул рукопись туда, откуда взял. Я подумал, что роман написан вполне пристойно, но сюжет вызывает в памяти слова, однажды произнесенные Оскаром Уайльдом. А сказал он, что нельзя читать «Лавку

* За этими последовал роман Бахмана «Худеющий», и не удивительно, что меня вычислили, поскольку фактически написан он был Стивеном Кингом: фотография на заднем клапане суперобложки никого не обманула.

** Полагаю, я единственный писатель в истории англоязычной романистики, чья карьера основана на гигиенических прокладках; эта часть моего литературного наследия неоспорима.

древностей», не проливая от смеха потоки слез*. Так что «Блейз» был благополучно забыт, но не утерян. Его всего лишь засунули в какой-то угол библиотеки Фоглера в Университете Мэна с остальными бумагами и рукописями Стивена Кинга/Ричарда Бахмана.

Вот так «Блейз» пролежал в темноте тридцать лет**. А потом я опубликовал тоненькую книжку в мягкой обложке «Парень из Колорадо» в серии «Крутой детектив». Серию эту придумал очень умный и очень расчетливый парень, Чарльз Ардай. Ему страшно хотелось переиздать старый «нуар» и детективные романы, которые ранее печатались только в карманном формате, и добавить к ним новые. «Парню из Колорадо» крутизны определенно не хватало, но Чарльз все равно решил его опубликовать под одной из знаменитых обложек серии***. Проект оказался успешным... если не считать задержек с выплатой гонорара****.

Годом позже я подумал: может, стоит вновь двинуться по пути крутого детектива, только с более «крутым» произведением. Мои мысли впервые за много лет вернулись к «Блейзу», но следом тащилась

* Примерно так же я реагировал на «Обычного человека» Филипа Рота, «Джуда Незаметного» Томаса Гарди и «Дочь хранителя тайны» Ким Эдвартс: в какой-то момент чтения начинал смеяться, махать руками и кричать: «Где рак? Где слепота? Ничего этого у нас еще нет!»

** Не в сундуке, конечно, а в картонной коробке.

*** Дама, по глазам которой читается: свяжешься со мной — жди беды. А в трусиках, понятное дело, можно найти исключительно экстаз.

**** Что тоже напоминает мне не слишком удачные прежние времена книжек в мягкой обложке.

чертова цитата Оскара Уайльда насчет «Лавки древностей». «Блейз», насколько я помнил, был не крутым «нуаром», а плаксой в три ручья. Однако я решил, что неплохо бы на него взглянуть. При условии, что роман удастся отыскать. Я помнил картонную коробку. Я помнил шрифт старой портативной пишущей машинки (неубиваемой «Оливетти») моей жены Табиты, но понятия не имел, что произошло с рукописью, которая лежала в этой картонной коробке. Насколько я знал, она могла даже исчезнуть. Да, детка, исчезнуть*.

Не исчезла. Марша, одна из двух моих бесценных помощниц, нашла ее в библиотеке Фоглера. Не доверила мне оригинал (я... э... теряю вещи), но сделала ксерокопию. Я, должно быть, использовал совершенно выбитую ленту, когда печатал «Блейза», потому что текст был едва виден, а пометки на полях практически выцвели. Однако я сел с рукописью и начал читать, готовый испытать разочарование, какое может вызвать только произведение, написанное тобой же, когда ты был куда моложе и самоувереннее.

Но я подумал, что «Блейз» очень даже хорош, определенно лучше «Дорожных работ», романа, сюжет которого, как я в то время полагал, лежал в основном русле американской беллетристики.

* В моей литературной карьере мне удалось потерять не один, а два достаточно хороших романа, работа над которыми была в самом разгаре. Но если я успел написать лишь пятьдесят страниц романа «Под Куполом», после чего он исчез, то в «Каннибалах» перевалил за двухсотую страницу, когда этот роман канул в небытие. Вторых экземпляров не осталось. Дело было до появления компьютеров, а копиркой для первого варианта я никогда не пользовался... считал, что это нехорошо.

Разумеется, «нуаром» здесь и не пахло. Скорее речь шла о натурализме с преступлением, стиле, который в 1930-х годах практиковали Джеймс М. Кейн и Хорас Маккой*. Я думал, что обращения к прошлому лучше прямого изложения событий. Мне они напоминали трилогию «Молодой Лонигэн» Джеймса Т. Фаррелла и забытый (но отменный) роман «Гэс-Хауз Макджинти». Конечно, местами роман был ВНД**, но не следовало забывать, что писал его молодой человек (мне тогда было двадцать пять), убежденный, что создает очередную НЕТЛЕНКУ.

Я подумал, что «Блейза» можно переписать и опубликовать, не испытывая особого стыда, но он, пожалуй, не укладывался в рамки «крутого» детектива. И вообще в каком-то смысле не был детективным романом. Скорее трагедией человека, лишенного многого из того, что дано другим людям (если при переработке романа уйти от жалости). Вот я и обратился к бесстрастным, сухим интонациям, свойственным лучшим произведениям «нуара», даже использовал шрифт, называемый «American Typewriter», напоминающий о том, что я делаю. Работал быстро, не оглядываясь назад, не заглядывая вперед, пытаясь также придать роману свойственный тем книгам драйв (я больше ориентировался на Джима Томпсона и Ричарда Старка, чем на Кейна, Маккоя или Фаррелла). Думал, что правку буду вносить в самом конце, карандашом, а не редактировать роман на компьютере, как нынче модно. Если уж книга должна стать неким воз-

* И, очевидно, дань уважения роману «О мышях и людях» — трудно уйти от такого сравнения.

** ВНД — витиеватый, натужный, дерганый.

вращением в прошлое, мне хотелось это как-то обыграть, а не игнорировать. Я также намеревался вычистить из романа всю сентиментальность, хотел, чтобы законченная книга была полностью лишена ее, напоминая пустой дом без единого ковра на полу. Как сказала бы моя мать: «Я бы хотела, чтобы проступило ее чистое лицо». Только читатель сможет вынести вердикт, удалось мне это или нет.

Если вас это волнует (вообще-то не должно: полагаю, вы пришли сюда за хорошей историей, и, надеюсь, вы ее получите), все гонорары и дополнительные доходы, полученные от «Блейза», пойдут в «Хейвен фаундейшн», основанный с тем, чтобы помогать творческим людям, попавшим из-за травмы или болезни в затруднительную ситуацию*.

С другой стороны, раз уж я все равно держу вас за лацкан, скажу, что старался, насколько возможно, избежать в «Блейзе» временной привязки, чтобы не ограничивать действие романа какими-то вехами**. Полностью исключить датировку, конечно же, невозможно, некоторые временные ориентиры важны для сюжета***. Если у вас сложится впечатление, что все происходит «в Америке, не так уж и давно», думаю, это оптимальный вариант.

* Чтобы побольше узнать о «Хейвен фаундейшн» (The Haven foundation), вы можете заглянуть на мой сайт www.stephenking.com.

** Мне не нравилось, что Клай Блейсделл рос в послевоенной (речь о Второй мировой) Америке. Сейчас это совершеннейшая архаика, а вот в 1973 году, когда я печатал этот роман в трейлере, где жил с женой и двумя детьми, не вызывало особых возражений (и, вероятно, правильно).

*** Если бы роман писался сегодня, конечно же, пришлось бы учитывать повсеместное использование мобильных телефонов и определителей номера.

Могу я закончить, вернувшись к тому, с чего начал? Это старый роман, но я уверен, что ошибся в первоначальной оценке, посчитав его плохим романом. Вы можете не согласиться... но это не «Девочка со спичками». Как всегда, постоянный читатель, я желаю вам всего наилучшего, благодарю за то, что читаете эту историю, и надеюсь, что она вам понравится. Не стану говорить, мол, надеюсь, что вы всплакнете, но...

Нет. Все-таки скажу. Если ваши глаза и затумянятся, пусть это будут не слезы от смеха*.

*Стивен Кинг (за Ричарда Бахмана)
Сарасота, Флорида
30 января 2007 г.*

* Российский читатель знаком с мастерами американского детектива, да и просто с писателями США гораздо хуже Стивена Кинга, поэтому считаю необходимым дать короткую справку по именам и названиям: Джеймс Т. Фаррелл (1904–1979) кроме вышеупомянутой трилогии написал 17 сборников рассказов; Джеймс М. Кейн (1892–1977) — один из основателей крутого детектива, автор книг «Почтальон всегда звонит дважды» и «Серенада»; Хорас Маккой (1897–1955) — автор романа «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?»; Джим Томпсон (1906–1977) — крепкий детективист-средняк; Ричард Старк — псевдоним нынешнего патриарха детективной прозы Дональда Уэстлейка (1933–2008). Не хотел говорить... но все-таки скажу: «Лавка древностей» — роман Чарлза Диккенса, «Девочка со спичками» — не детектив, а сказка Ганса Христиана Андерсена. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 1

Джордж находился где-то в темноте. Блейз не мог его разглядеть, но голос доносился громко и четко, грубый, чуть хрипловатый. По голосу всегда казалось, что Джордж слегка простужен. Что-то с ним произошло, когда он был ребенком. Джордж никогда не говорил, что именно, но адамово яблоко пересекала полоска шрама.

— Не этот, тупица, у него весь бампер в наклейках. Возьми «шеви» или «форд». Темно-синий или темно-зеленый. Двухлетний. Ни больше ни меньше. Никто их не запоминает. И никаких наклеек.

Блейз миновал маленький автомобильчик с наклейками на бампере, продолжил путь. Даже здесь, в дальнем конце автостоянки у пивной, он слышал музыку. Дело происходило в субботу вечером, так что пивная была забита под завязку. Холодный воздух больно кусался. В город Блейза подвезли, но он провел под открытым небом сорок минут, и уши у него онемели. Шапку он взять забыл. Всегда что-нибудь забывал. Уже начал доставать руки из карманов куртки, чтобы прикрыть уши, но Джордж помешал. Сказал, что уши могут замерзнуть,

а вот руки — нет. Уши не требовались для того, чтобы завести двигатель без ключа зажигания. Температура воздуха была лишь на три градуса выше ноля*.

— Вот он, — сказал Джордж. — Справа от тебя.

Блейз посмотрел и увидел «сааб». С наклейкой на бампере. Вроде бы совсем не тот автомобиль, который следовало угонять.

— Этот слева, — фыркнул Джордж. — А надо *справа*, тупица. По ту руку, которой ты ковыряешь в носу.

— Извини, Джордж.

Да, он опять ступил. В носу мог ковырять обеими руками, но знал, какая рука правая: та, которой писал. Подумал об этой руке и посмотрел в нужную сторону. Увидел темно-зеленый «форд».

Блейз направился к «форду», не подавая виду, что интересуется этим автомобилем. Обернулся. Пивная называлась «Мешок», и собирался там народ из местного колледжа. Название пивной дали глупое, мешком называли то самое, где находятся твои яйца. В пивной (по существу — обычной забегаловке) по пятничным и субботним вечерам играла рок-группа. В зале наверняка было шумно и тепло, множество молоденьких девушек в коротких юбках танцевали, как очумелые. Хорошо бы зайти, оглядеться...

— И чего ты сюда пришел? — спросил Джордж. — Прогуляться, как по Коммонуэлс-авеню**? Ты не сможешь обмануть и мою слепую бабулю. Займись делом, а?

* Три градуса выше ноля по шкале Фаренгейта соответствуют 16 градусам мороза по Цельсию.

** Коммонуэлс-авеню — одна из центральных улиц Бостона.

- Хорошо, я просто...
 - Да, я знаю, что ты просто. Не отвлекайся.
 - Хорошо.
 - Кто ты, Блейз?
- Он опустил голову, втянул соплю.
- Я — тупица.

Джордж всегда говорил, что в этом нет ничего постыдного, но это факт, и его нужно признавать. Как бы ты ни старался, за умного тебя никто и никогда не принял бы. Они смотрели на тебя и сразу видели: свет горит, но дома никого. Если ты — тупица, то должен быстренько закончить все дела и тут же смотаться. А уж если тебя поймали, выкладывай все, что знаешь, только не называй парней, которые были с тобой. Потому что в конце концов копы вытащат из тебя все остальное. Джордж говорил, что хуже тупиц никто врать не умеет.

Блейз вытащил руки из карманов, дважды согнул и разогнул пальцы. Костяшки занули от холодного воздуха.

- Готов, здоровяк? — спросил Джордж.
- Да.
- Тогда я пойду пропущу пивка. А ты займись тачкой.

Блейз почувствовал поднимающуюся панику. Она быстро добралась до горла.

- Эй, нет, я никогда такого не делал. Только наблюдал за тобой.
- Теперь тебе придется пошевеливаться, не только наблюдать.
- Но...

Он замолчал. Продолжать не имело смысла, если только он не собирался кричать. Слышал, как по-

скрипывает утрамбованный снег под ботинками идущего к пивной Джорджа. Но скоро шаги растворились в басовых ритмах.

— Господи, — выдохнул Блейз. — Господи Иисусе.

Пальцы уже начали замерзать. При такой температуре они на что-то годились минут пять. Может, и меньше. Он подошел к водительской дверце в надежде, что она заперта. Будь дверца заперта, на автомобиль пришлось бы махнуть рукой, потому что «ловкого Джима» у него не было. «Ловкий Джим» остался у Джорджа. Да только водитель «форда» дверцу не запер. Блейз распахнул ее, наклонился, потянул на себя рычаг открывания капота. Потом обошел автомобиль спереди, нащупал защелку, нажал, поднял капот.

В кармане лежал маленький фонарик. Блейз достал его, включил, направил луч на двигатель.

Найди провод зажигания.

Но сколько же тут всего. Кабели, идущие к аккумулятору, шланги, провода к свечам, бензопровод...

Он стоял, а капельки пота катились и замерзали на щеках. Толку от этого быть не могло. Никакого толку. И тут его осенило. Идея, возможно, пришла в голову не самая лучшая, но и такое случалось нечасто, а если уж она возникала, не оставалось ничего другого, кроме как ее реализовывать. Он вернулся к водительской дверце, вновь открыл. В салоне зажегся свет, но с этим он ничего не мог поделать. Впрочем, если бы кто увидел его, то подумал бы, что у него проблемы с двигателем. Конечно, при такой температуре никто не стал бы